QAZAQSTAN RESPÝBLIKASY
ULTTYQ MÝZEÍÍ

МӘДЕНИ МҰРА

ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

научный журнал

CULTURAL HERITAGE

science journal

ISSN: 2708-3365

№ 1 (100)

Астана
2023

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

СЫДЫҚОВ Айбек Жексенәліұлы – PhD докторы (алқа төрағасы) (Қазақстан)

АЯҒАН Бүркітбай Ғылманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АРТЫҚБАЕВ Жамбыл Омарұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ Зайнолла Самашұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ Жәкен Қожахметұлы – ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ЫБЫРАЕВА Ақмарал Ғосманқызы – Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

СҰРАҒАНОВА Зүбайда Қабиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, этнограф (Қазақстан)

БЕКНАЗАРОВ Рақым Ағыбайұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ Жанат Әскербекқызы – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ФАЙЗУЛЛИНА Ғалия Шаукетовна – тарих ғылымдарының кандидаты, музейтанушы (Қазақстан)

БИҒОЖИН Ұлан Зейноллаұлы – PhD докторы (Қазақстан)

ШЕГЕБАЕВ Пернебек Шегебайұлы – өнертану ғылымының кандидаты (Қазақстан)

РОМАНОВА Екатерина Назаровна – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ресей Федерациясы, Саха Республикасы)

АЙТПАЕВА Гулнара Амановна – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

СТАВСКАЯ Людмила Георгиевна – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қырғызстан)

АНДРАШ Биро Жолт – антрополог (Мажарстан)

ОСМАН Каратай – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Музей өмірі / Жизнь музея

«Берел» ғылыми-зерттеу қоры 4
Қазақстандағы археологиялық зерттеулердің жетістіктері 6

Самашев З. Новый памятник раннесакского времени в Восточном Казахстане 8
Чугунов К.В. Раннескифский период в Центральной Азии в русле концепции культурно-хронологических горизонтов: опорные памятники и новые открытия 19
Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола кешеніндегі жаңа зерттеулердің кейбір нәтижелері 37
Подушкин А.Н. Қаңлы мемлекетінің жоғары өнерінің сюжеттеріне интерпретация 51
Джафаров Г.Ф. О тандеме неолит – энеолит 71
Джафарова Д. Памятники Карабахской группы Ходжалы-Кедабекской археологической культуры (по материалам курганов Довшанлы – Баллукая – Ахмахи) 83
Серхан Ч. Түркиядағы ЮНЕСКО-ның мәдени мұралары тізіміне енген кейбір археологиялық ескерткіштер.....101
Байтлеу Д.А., Искаков А.Ш., Акшабаева Е.Б. Памятники наскального искусства Мугалжар 107
Дарменов Р.Т. История изучения неолитических памятников северо-восточного Приаралья ... 121
Нағашбекова С.М. Ортағасырлық Түркия қолжазбаларындағы Шу, Талас өңіріне қатысты деректер 127
Шильдебаева Ж. Интересные археологические находки древнего городища Тараз 134
Жунисханов А.С. Из истории археологического изучения и предварительные итоги аварийных раскопок на территории г. Семей 140
Чотбаев А.Е., Ержанова А.Е. Жер шаруашылығымен айналысқан Ақбауыр-III қонысы 147

CONTENTS

Museum life

Research Foundation «Berel» 4
Achievements of archaeological research in Kazakhstan 6

Samashev Z. A new site of the Early Saka time in East Kazakhstan 8
Chugunov K.V. The early Scythian period in Central Asia within the concept of cultural-chronological horizons: leading sites and new discoveries 19
Utubayev Zh. Some results of research in the Babish mola complex 37
Podushkin A.N. To the interpretation of the subjects of the high art of the Kangju state 51
Jafarov G.F. About Neolithic-Eneolithic tandem 71
Jafarova D. Sites of Karabakh group of Khojaly-Gedabek archaeological culture (by the materials of the Dovshanly-Ballukaya-Ahmakhi mounds) …. 83

Serhan C. Some archaeological sıte areas ın UNESCO cultural heritage list in Turkey 101

Baitileu D. A., Iskakov A. Sh., Akshabayeva E. B. Sites of rock art of Mugalzhar 107
Darmenov R.T. History of studying Neolitic sites in the north-eastern Aral region 121
Nagashbekova S.M. Data in the medieval Turkish manuscripts related to the Talas, Shu region 127

Shildebayeva Zh. Interesting archaeological finds of the ancient Taraz settlements 134

Zhuniskhanov A.S. From the history of archaeological studies and preliminary results of emergency excavations on the territory of the city of Semey 140
Chotbayev A.E., Yerzhanova A.E. The settlement of Akbauyr-III, engaged in land farming 147

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.06

Джафарова Д.
Институт археологии и этнографии НАНА
г. Баку, Азербайджан
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

ПАМЯТНИКИ КАРАБАХСКОЙ ГРУППЫ ХОДЖАЛЫ-КЕДАБЕКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ ДОВШАНЛЫ – БАЛЛУКАЯ – АХМАХИ)

В статье освещается краткая история изучения археологических памятников горного Карабаха, а также результаты раскопок в группе курганов, расположенных в долине реки Хачынчай, произведенных в 90-х годах XIX века Э. Реслером. Это курганы Довшанлы, Ахмахи, Баллукая, датируемые вторым этапом развития Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, то есть XII–XI вв. до н. э.

В Довшанлинской группе были раскопаны два кургана, в группе Ахмахи – пять курганов, а в Баллукая – три кургана. Исходя из того, что, за редким исключением, во всех группах этих памятников прослеживается схожий тип погребений (подкурганные каменные склепы), обряд захоронения (одиночные, или коллективные, в основном ингумация) и состав артефактов (керамика, бронзовые, кремневые или обсидиановые оружия, конские сбруи, украшения) – они объединены в единый комплекс.

Анализ материалов комплекса Довшанлы – Ахмахи – Баллукая позволяет установить, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа во всем Азербайджане и в частности в Карабахе общественно-политическое и социально-экономическое развитие достигают нового, более высокого уровня.

Ключевые слова: *Азербайджан, Карабах, Довшанлы, памятники, культура, курганы, артефакты.*

Введение (общие сведения)

Среди памятников Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, хронологические рамки которой, по последним данным, определяются XIV–VIII вв. до н. э., особое место занимает Карабахская группа. В числе этих памятников по некоторым особенностям выделяются курганы, расположенные у сел Довшанлы – Ахмахи – Баллукая – Сырхавенд. Эти памятники, как и многие другие археологические комплексы, впервые были зафиксированы преподавателем Шушинского реального училища Эмилем Александровичем Реслером. Получив разрешение от Российской императорской археологической

комиссии на проведение поисков и раскопок археологических памятников, он в 1891–1898 гг. развернул бурную деятельность в Нагорной и частично предгорной зоне Карабаха на территории Азербайджана (Джафаров, 2000: 6–7). Сюда входят археологические памятники Шуши и ее окрестности, а также т. н. каменные ящики около сел Дашалты, Чанахчи, Мехтикенд (Гуммель, 1939: Листы 42, 57; QAK, 1998: 155; Гуммель, 1939: Л., 10–26, 44–51; ZEVBGAEU, 1892: 566–568; ZEVBGAEU, 1894: 213–221.; Гуммель, 1939: Л., 48; QAK, 1897: стр. 51; Гуммель, 1939: Л., 44–45; QAK, 1898: 109; Гуммель, 1940: Л., 41–47, 57, 58; QAK, 1900: 99, 150, 154–155; ZEVBGAEU, 1899: 418–423, 278–279; Гуммель, 1931: Л. 42, 57).

Почти одновременно Э. Реслер в силу своих возможностей, в основном в свободное от преподавательской деятельности время, обследовал памятники Ходжалы, Баллукая – Сырхавенд, Хачынчай, Дамголу, Довшанлы, Ахмахи, Серти, Сенгер, Кетти-тепе и др., расположенные в горных регионах, а также Гюлаблы, Гаракепектепе, Гала-тепе – в предгорной зоне. Он проводил археологические работы в различных точках Карабаха вплоть до перевода его в 1898 г. в город Гянджа (к нашему великому сожалению, все перечисленные памятники, как и другие, расположенные на территории соседних Лачинского, Кельбаджарского, Кубадлинского, Джебраильского, Физулинского, Агдамского районов, с начала 90-х гг. XX в. находились под оккупацией армянских вооруженных сил и были освобождены доблестной азербайджанской армией 10 ноября 2020 года). В последующем (в 1896, 1926, 1938–1939, 1954–1956 гг., в 1984 г.), помимо Э. Реслера, в некоторых памятниках, например, в Ходжалы, Ханкенди, Гюльятаге, Карабулаке, А. Ивановским (Ивановский, 1911: 143–186), И. Мещаниновым (Мещанинов, 1927: 104–107; Мещанинов, 1926: 217–240; Джафарзаде, 1941: 15–26), Я. Гуммельем (Дело АК, 1967: 67; Дело АК, 1981: 52, 77–82; Дело АК, 1996: 82–88; Дело АК, 1996: 1–2; Дело АК, 1997: 212–213), К. Кушнаревой (Кушнарева, 1957: 370–386), Г. Джафаровым (Джафаров, 1997: 153–162) были проведены кратковременные археологические раскопки. Но, как это не парадоксально, до сих пор основным источником по изучению древних материальных остатков горной части населения Карабаха остаются результаты археологических раскопок Э.А. Реслера. Он не был профессиональным историком и археологом, его методы ведения раскопок были примитивными; как и всех остальных, в тот период работавших «археологов», его интересовали только целые предметы, он не обращал внимания на обломки и фрагменты. Раскопки проводил только в центральной части курганов путем проведения траншеи. О принадлежности раскопанных памятников, материальной культуры к местному, азербайджанскому населению, ни разу не упомянул. Артефакты отправлял в Москву (ГИМ), Санкт-Петербург (Эрмитаж), в некоторых случаях в Германию и т. д. Оговоримся, что некоторые второстепенные предметы им были оставлены в Шушинском реальном училище, а затем странным образом оказались в Тифлисском историческом музее. Э. Реслера можно обвинять во многих ошибках и заблуждениях, но в силу многих объективных и субъективных причин основные памятники горного Карабаха были раскопаны этим т. н. «примитивным» археологом. Кроме всего этого, в силу оккупации указанных выше территорий вести какие-либо археологические изыскания по крайней мере пока не представляется возможным. Поэтому возвращение время от времени к этим памятникам и наши попытки освежить память молодому поколению оправданы со всех точки зрения.

Начав раскопки в Шуше и ее окрестностях, Э. Реслер в 1893 г. приступил к обследованию курганных памятников Довшанлы (Гуммель, 1939 (почему-то отчеты раскопок 1891, 1893 и 1894 гг. были представлены как раскопки 1891 года): Л. 52–61; ZEVBGAEU, 1894: 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения); ZEVBGAEU, 1894: 228–233, рис. 11–54; Кушнарева, 1957: 137, 140, 141, рис. 2, 1–14, рис. 3, 1–7, рис. 4; Джафаров, 2020: 148–152). Село Довшанлы расположено на левом берегу реки Хачынчай, протекающей по глубокому и живописному ущелью. Рядом находилась группа конусообразных курганов, сооруженных из чернозема и речных булыжников различной величины. Там, где находятся курганы, открывается захватывающая и прекрасная панорама на нагорья Карабаха. Наши предки воистину были ценителями красоты окружающей природы. Даже для загробного мира своих сородичей они выбирали экологически чистые, покрытые

пышной зеленью господствующие высоты с прекрасной панорамой, на берегу реки или рядом с родниками.

В 1893 г. Э. Реслер начал обследование на одном кургане, но не довел раскопки до конца. В следующем, 1894 г., приступая к раскопкам, выяснил, что тот курган разграблен местным населением. Ему удалось собрать у населения остатки бронзового шлема и фрагмента бронзового пояса, каменных (кремневых) наконечников стрел. По сообщению населения, там были еще какие-то бронзовые предметы (например, фигуры барса?) (Джафаров, 2020: 140). В 1894 г. Э. Реслер в двух курганах Довшанлинской группы памятников вел археологические раскопки. Курганы Довшанлы, как правило, сооружены из чернозема и речных каменных валунов. По форме конусообразные. О наличии кромлеха ничего не сообщается.

Комплексы Довшанлы – Ахмахи – Баллукая

Курганы Довшанлы

Курган № 1 (Гуммель, 1939: *Л*. 52–61; ZEVBGAEU, 1894: 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения); Джафаров, 2020: 140–41). Насыпь этого конусообразного Карабахского большого кургана была сложена из земли, мелкого гравия и крупных речных камней. Диаметр у основания – 27 м, высота – 10 м. Под насыпью на глубине 3 м был зафиксирован вместительный т. н. «каменный ящик», сложенный из крупных неотесанных плит. Размеры каменного ящика: длина – 3,7 м, ширина – 1,4 м, глубина – 1,56 м. Ящик был перекрыт такими же пятью каменными неотесанными плитами. Могила была заполнена речным просеянным песком, дно было земляное.

По сведению Э. Реслера, в могиле были захоронены четыре покойника: основной захороненный (племенной вождь) и три сопровождающих. Останки основного захороненного покоились в юго-восточной части могильной камеры, головой на восток, в вытянутой позе, на спине, с руками вдоль туловища; на голове у него был бронзовый налобник (диадема?), рядом находились бронзовые меч, кинжал, навершие посоха, плоское долото, а у ног стоял керамический сосуд, наполненный раковиной «каури» из семейства «купре монета».

Остальные три сопровождающих покойника были захоронены в разных углах могильной камеры в скорченном положении, на правом боку. Причем, по Э. Реслеру, двое из них были мужчины-воины, а третий скелет принадлежал женщине (жене или наложнице, хотя твердое доказательство этому не приводится). Один из мужеских скелетов находился в юго-западном углу, голова его была обращена к востоку. На черепе найдены остатки бронзового шлема, а рядом лежали удила, вилы, кинжал, а также мелкие украшения; останки второго покойника (тоже мужчины) лежали в средней части у северной стены могильной камеры. На его черепе также сохранились остатки бронзового шлема, рядом были найдены вилы, удила, браслеты, каменная ступка. Третий покойник, предположительно женщина, находился в северо-западном углу камеры, головой к востоку. На лбу была диадема из плохо сохранившейся листовой бронзы, на пальцах были надеты бронзовые кольца, на ногах – бронзовые браслеты, а рядом стоял маленький сосуд, заполненный сердоликовыми и золотыми бусами, а также бронзовыми украшениями.

Таким образом, обряд захоронения и остатки материальных образцов доказывают, что этот курган был предназначен для местного племенного вождя. Нижеперечисленные многочисленные и разнообразные артефакты являются тому подтверждением. Итак, предметы из кургана № 1: узкий, своеобразно изготовленный бронзовый меч; бронзовые наконечники стрел с длинными опушенными крыльями, т. н. «Карабахского типа» (40 штук); обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, с выемкой у оснований (15 шт.); 4 бронзовых кинжала с ажурными набалдашниками «Гянджа-Карабахского» типа; бронзовый топор – секира, хорошо известная в памятниках второго этапа развития Ходжалы-Кедабекской археологической культуры; 4 экземпляра бронзовых удил классического типа; 3 экземпляра бронзовых втульчатых вил с двумя зубцами; 2 бронзовых втока; шлем из листовой бронзы; 2 бронзовых ножа; бронзовые орудия долотообразной формы со спиральным вкованным бронзовым орнаментом; очень красивая бронзовая пряжка для пояса с

инкрустациями из полудрагоценных камней и четырьмя головками каких-то хищников; бронзовое колечко с такой же головкой; кругло-выпуклые бронзовые бляхи – обоймы с пастовыми вставками; круглая бронзовая бляха – обойма со спиральным орнаментом и пастовой сердцевиной; бронзовое кольцо с выкованным спиральным орнаментом; различные бронзовые браслеты; кольца, бляшки, щипчики, шилья. Больше всего в погребении находилось различных по форме и назначению, богато орнаментированных керамических сосудов (40 экземпляров), а также 350 штук различных бус и подвесок *(рис. 1, 2)*.

Курган № 2 (Гуммель, 1940: *Л*. 34–41; QAK за 1896: 17; ZEVBGAEU, 1896: 90; Кушнарева, 1957: 141–142, 145; *Джафаров Г.Ф. Древний Карабах*, стр. 141–142). Он был расположен в 420 м восточнее кургана № 1 и 60 м севернее дороги, идущей параллельно реке Хачынчай. Насыпь также имела конусообразную форму, однако, в отличие от первого, несколько сплющенную сверху. Диаметр у основания достигал 16 м, диаметр верхней площадки – 6,4 м, высота – 5,5 м. Насыпь состояла, как и в первом кургане, из чернозема, перемешанного с булыжником. На глубине 3 м, на искусственно сооруженной земляной платформе, были вскрыты, как описывает Э. Реслер, три прямоугольные могильные камеры, лучеобразно расходящиеся в трех направлениях: условно обозначенные литерами «а», «б» и без обозначения, так как оно осталось без обследований, т. е. вне передела раскопа; могила «а» – с С.–З. на Ю.–В., могила «б» – с С.–В. на З., третья могила, не попавшая в узкую траншею раскопа, осталась неисследованной, однако, как указано в чертеже Э. Реслера, она была ориентирована с Ю.–З. на С.–В. За исключением глубины (1,2 м) размеры могилы не указаны. В каждой могиле по одному были обнаружены останки покойника, уложенного на спине, в вытянутом положении, ногами к общему центру, с сопровождающим инвентарем. После совершения погребального процесса могила была засыпана землей и булыжником, а затем была сооружена курганная насыпь.

В могиле «а», судя по описанию Э. Реслера, был захоронен юноша, череп которого принадлежал к долихоцефальному (длинноголовому) типу. На черепе обнаружены остатки бронзового венчика (показатель принадлежности к высшему сословию), а рот был заполнен золотой пылью (еще одно доказательство о принадлежности к семейству вождя племени). По правой стороне покойника лежал череп лошади, здесь же были зубы кабана, бронзовые кольца, сердоликовые бусы. Слева от скелета был положен кувшин с рифленой поверхностью, около бедра лежали меч, кинжалы, вилы, наконечники, копья и т. д. В могиле «б» был обнаружен скелет без черепа. Около останков покойника находились бронзовые наконечники стрел с опущенными крыльями, обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, фрагменты керамических сосудов, удила, отдельные элементы конского убора. Там же были найдены отдельные кости лошади, собаки, и, по словам Э. Реслера, кости хищных птиц.

Итак, обнаруженные в Довшанлынском кургане № 2 артефакты: цельнолитый бронзовый меч с деревянными вставками на рукоятке, двузубые бронзовые вилы, три экземпляра бронзовых удил, бронзовые кинжалы с деревянными вставками на рукоятке (два экземпляра), два простых бронзовых кинжала, бронзовый узкоперый наконечник копья, тридцать экземпляров бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями, шесть экземпляров обсидиановых наконечников стрел, рукоятка долотообразного орудия, украшенная спирально выкованными бронзовыми лентами и инкрустированная цветными камнями, бронзовые ножи, бронзовое кольцо с каменными вставками, бронзовые выпукло-круглые бляхи-обоймы с пастовыми вставками, бронзовые пуговицы, костяные бляшки с бронзовой инкрустацией. Бронзовое колечко с птицеобразной головкой, бронзовый молоточкообразный литой предмет, крупная сердоликовая бусина боченкообразной формы, керамический одноручный кувшин с рифленой поверхностью, маленький полый цилиндр из листового золота с тисненными изображениями животных *(рис. 3)*.

Курганы Баллукая – Сырхавенд

Эти деревни, как и Довшанлы, находятся на левом берегу р. Хачынчай, в небольшой живописной долине, окруженной с трех сторон лесистыми горами, на расстоянии 8 км восточнее села Довшанлы. Расстояние

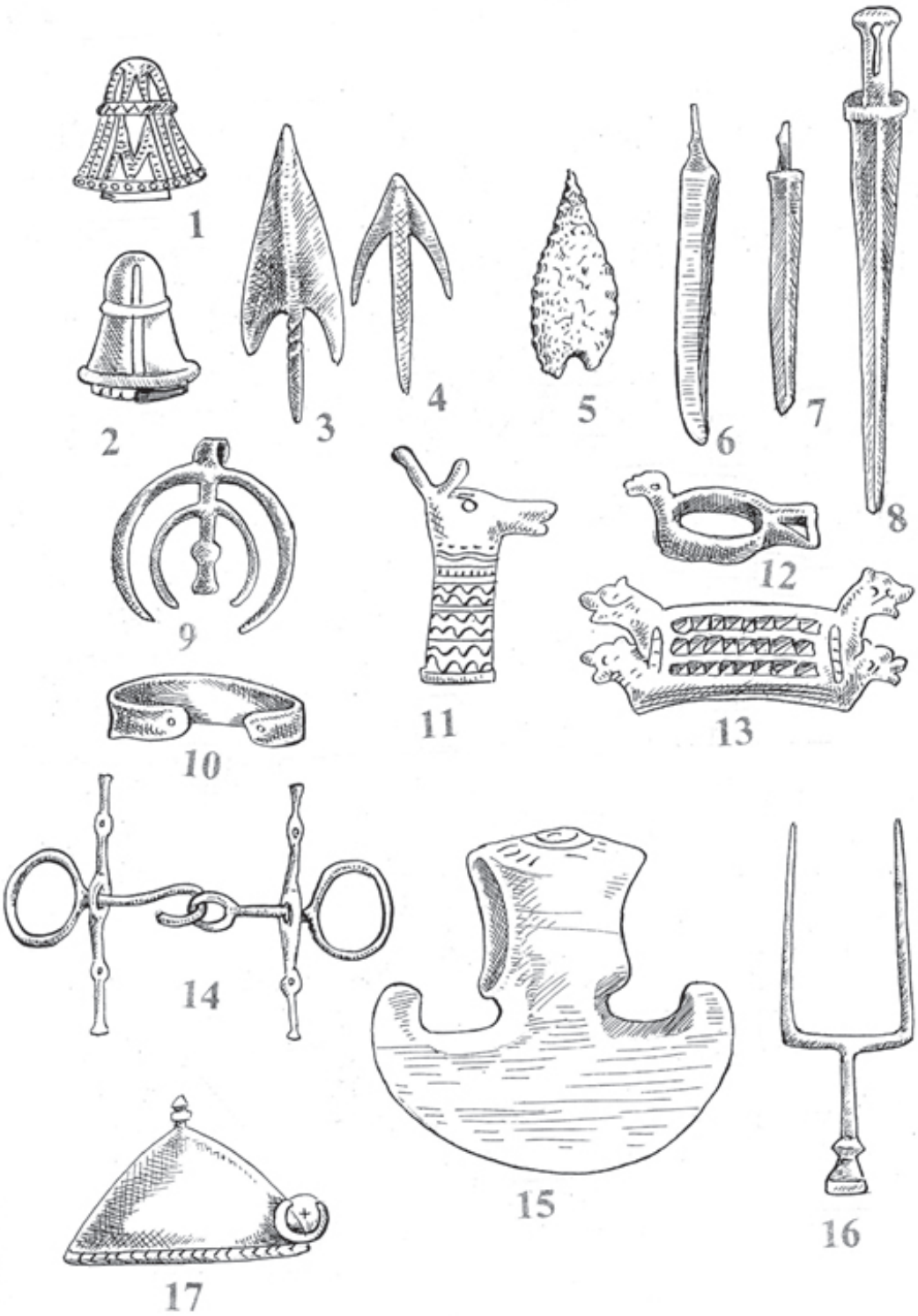

Рис. 1. *Предметы из кургана № 1 Довшанлы: 1, 2, 7, 8 – кинжалы; 3, 4, 5 – наконечники стрел; 6 – нож; 9, 10 – браслет и лунница; 12, 13 – пряжки от пояса; 17- украшение в виде шлема; 14 – удила; 15 – топор-секила; 16 – вилы*

Fig. 1. *Items from barrow № 1 Dovshanly: 1, 2, 7, 8 – daggers; 3, 4, 5 – arrowheads; 6 – knife; 9, 10 – bracelet and crescent; 12, 13 – buckles from the belt; 17 – decoration in the form of a helmet; 14 – bit; 15 – ax-axe; 16 – pitchfork*

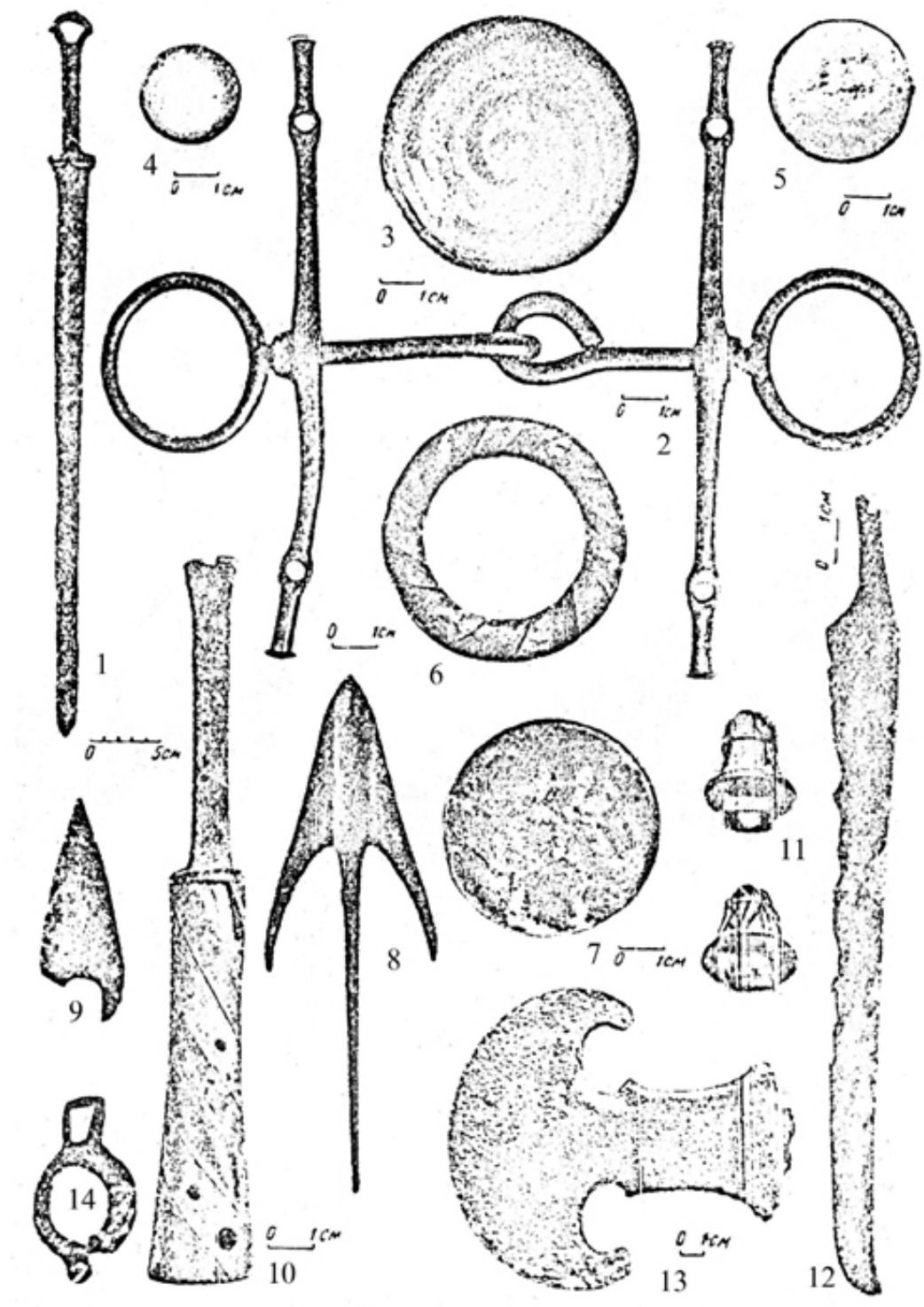

Рис. 2. *Предметы из кургана № 1 Довшанлы: 1 – меч; 2 – удила; 3, 7 – бляхи; 4, 5 – пуговицы; 6 – кольцо; 8, 9 – наконечники стрел; 10 – долото; 11 – кинжалы; 12 – нож; 13 – секира; 14 – колечко-пряжа*

Fig. 2*. Items from barrow № 1 Dovshanly: 1 – sword; 2 – bit; 3, 7 – plaques; 4, 5 – buttons; 6 – ring; 8, 9 – arrowheads; 10 – chisel; 11 – daggers; 12 – knife; 13 – ax; 14 – ring yarn*

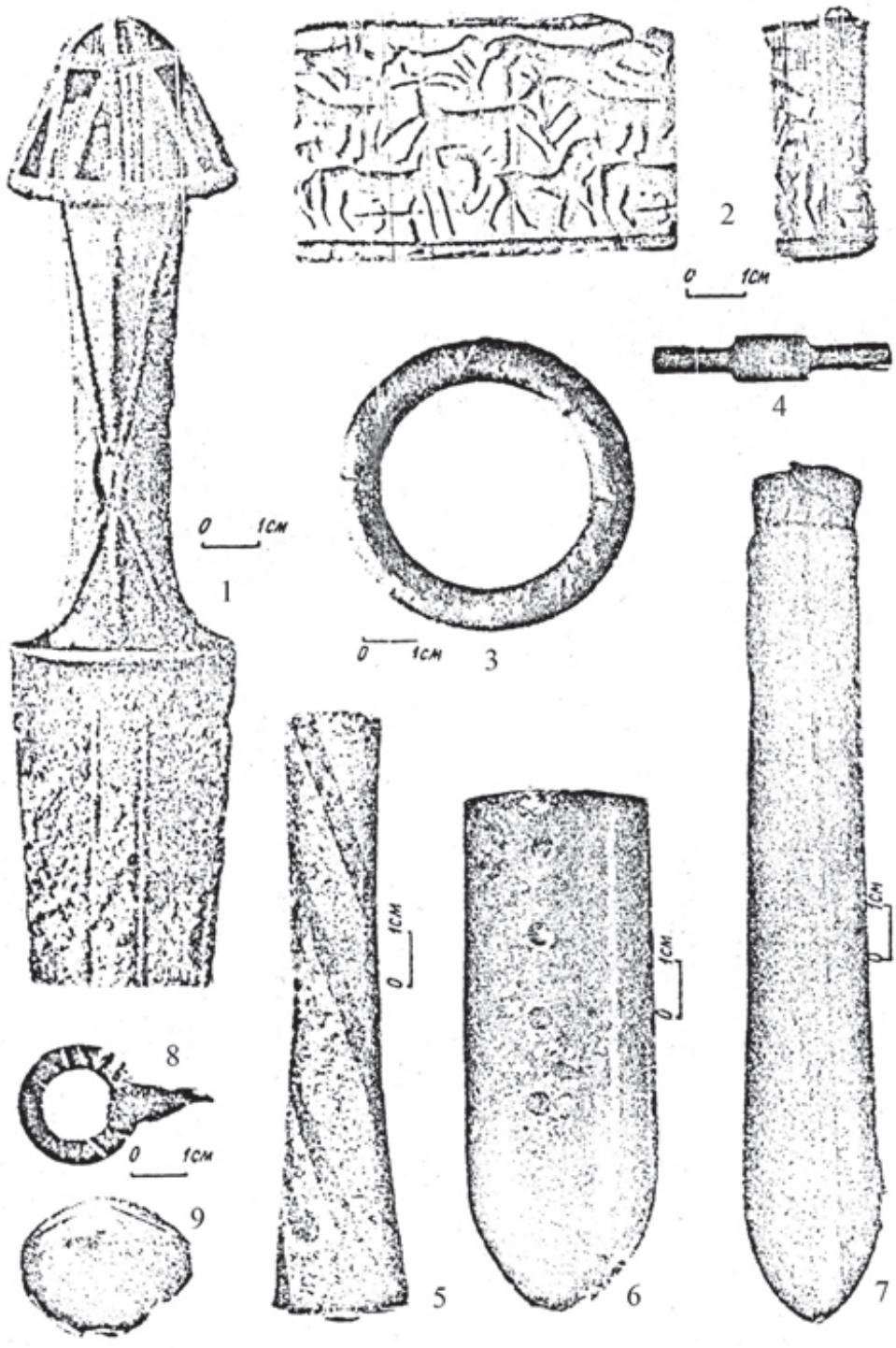

Рис. 3. *Предметы из курганов № 1 (16) и № 2 (1-5, 8, 9) и из кургана № 1 Баллукая (7): 1 – кинжал; 2 – золотой цилиндр; 3 – кольцо; 4 – молоткообразный предмет; 5 – рукоятка орудия; 6, 7 – втоки; 8 – колечко; 9 – бусина*

Fig. 3. *Items from barrows № 1 (16) and № 2 (1-5, 8, 9) and from barrow № 1 of Ballukaya (7): 1 – dagger; 2 – golden cylinder; 3 – ring; 4 – hammer-shaped object; 5 – gun handle; 6, 7 – inflows; 8 – ringlet; 9 – bead*

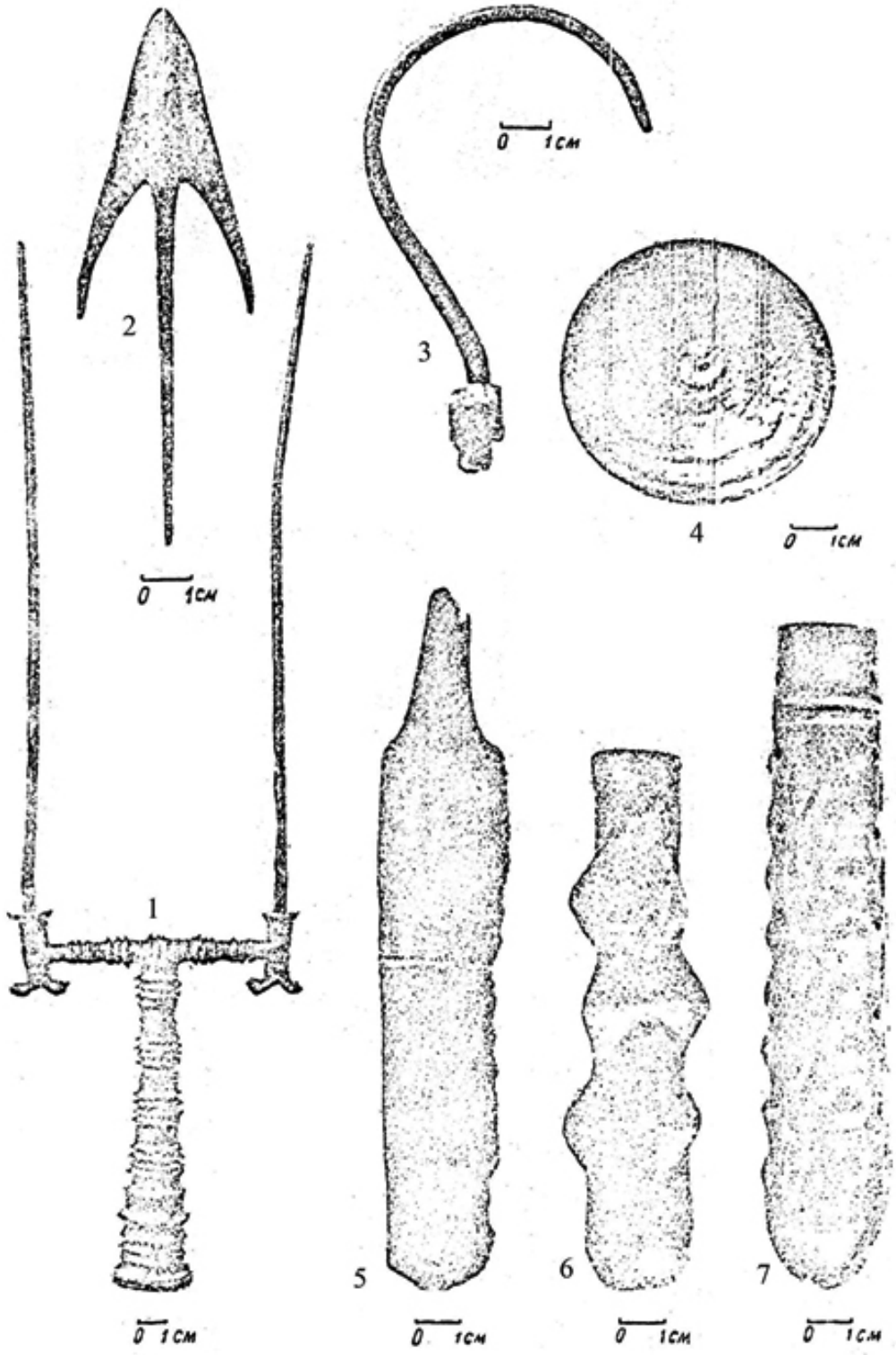

Рис. 4. *Предметы из курганов № 1 Баллукая-Сирховед: 1 – вилы; 2 – наконечник стрелы; 3 – крюк; 4 – бляха; 5 – нож; 6, 7 – втоки*

Fig. 4. *Items from mounds № 1 of Ballukaya-Sirkhoved: 1 – pitchfork; 2 – arrowhead; 3 – hook; 4 – plaque; 5 – knife; 6, 7 – inflows*

между селениями Баллукая и Сырхавенд – 1 км. В архивные материалах, а также в отчетах Э. Реслера, опубликованных как в немецком издании (ZEVBGAEU, 1899: 258), так и в сборнике Императорской археологической комиссии (QAK, 1900: 160), приводятся разные данные относительно раскопок курганов Баллукая и Сырхавенд. Естественно, при ознакомлении с материалами такое разночтение создает путаницу. Однако сравнение всех имеющихся данных позволяет выяснить следующие моменты: судя по всему, Э. Реслер вел раскопки в курганах, расположенных между селениями Баллукая и Сырхавенд в два приема – в 1894 г. и 1897 г. (Гуммель, 1940: *Л*. 44–52; Гуммель, 1931: *Л*. 216–217, 218–219; QAK, 189: 19; ZEVBGAEU, 1897: 258–261, рис. 20 (Схематический план размещения курганов Баллукая – Сырхавенд, стр. 147). В 1894 г. он начал раскопки в кургане № 1, но по какой-то причине не довел их до конца. После длительного перерыва, в 1897 г. раскопки здесь возобновились, и, помимо кургана № 1, были исследованы еще два кургана – № 2 и 3. В связи с тем, что сведения об этих двух курганах отрывочные (Кушнарева., 1957: 147, рис. 10, 1–7, рис. 11, 1–4), они долгое время оставались вне поля зрения исследователей. На них впервые обратил внимание Г. Джафаров (*Джафаров*, 2020: 143). Как было установлено, в кургане № 2, под насыпью из песка и камней, на глубине 3 м был обнаружен толстый слой (60 см) золы, где находились обгоревшие и обуглевшие фрагменты человеческих костей со следами окисления (от бронзовых предметов?), также зубы и кости крупного рогатого скота, обломки бронзовых листов и керамики.

В кургане № 3, раскопанном в том же году, на глубине 0,75 м курганной насыпи были обнаружены останки человека в скорченном положении, обложенные камнями. Рядом находились фрагменты от толстостенного керамического сосуда. Как отмечает Г. Джафаров, видимо, отрывочность и скудность археологических материалов послужили причиной того, что исследователи не обратили должного внимания на эти половинчато исследованные памятники (*Джафаров*, 2020: 143). Между тем внимательный анализ полученных данных, даже очень скудных, позволил установить, что в кургане № 2 был совершен обряд трупосожжения, т. е. кремация покойника (*Джафаров*, 2020: 143).

Баллукая-Сырхавендский курган № 1, раскопанный в два приема (1894 и 1897 гг.), был расположен между двумя селениями, ближе к селению Сырхавенд. Курган, диаметром у подножья 22 м, а у верхней площадки – 10 м, высотой – 9 м, был сложен из песка и земли, без камня. На глубине 5 м было обнаружено множество остатков истлевшего дерева (*Джафаров*, 2020: 143). По-видимому, они являлись остатками деревянного помоста, предназначенного для захоронения богатого члена племенной верхушки. Найденный на дне могилы круглый камень, по мнению Э. Реслера, служил одним из столбов для поддержки деревянного помоста. Однако так как он вел раскопки узкой траншеей, точные размеры могильной камеры и обряд захоронения не были установлены. В могиле, как и во втором кургане Довшанлы, были обнаружены останки человека без черепа. Здесь же были найдены кости лошади, быка и собаки. Рядом находились металлические и костяные предметы, керамические сосуды; маленькие сосуды были вложены в более крупные. В целом инвентарь из кургана включал следующие артефакты: небольшие двузубые бронзовые вилы, скрепленные деревянными штифтами и украшенные рельефными головками хищников; бронзовые наконечники стрел с опущенными по бокам крыльями; бронзовый крюк; 4 бронзовых массивных втока с различными украшениями; бронзовые кольца; костяные поделки; массивная круглая бляха – обойма со спирально вкованной бронзовой лентой, бронзовый нож *(рис. 4)*.

Керамика из этого кургана: небольшой чернолощеный кувшин с одной ручкой и с врезным орнаментом, также небольшой широкогорлый чернолощеный одноручный кувшин с сетчатым и волнообразным орнаментом, похожий кувшин, украшенный лощением в виде широких вертикальных и волнообразных линий, фрагмент крупного сосуда с врезным орнаментом.

Артефакты по хронологии идентичны с курганами Довшанлы и датируются XII–XI вв. до н. э.

Курганы Ахмахи

Несомненно, расположения всех курганных групп как на левобережье, так и на правобережье реки Хачынчай являются не случайностью, а

носят закономерный характер. Дело в том, что долина реки Хачынчай во всех отношениях выгодно отличается от других прилегающих территорий; здесь и прекрасные лесные массивы, обилие родниковых вод, плодородная долина, возвышенности с красивыми пейзажами и т. д. Поэтому то, что следующие курганные группы расположены возле селения Ахмахи, а также находятся ближе к долине Хачынчай, не кажется удивительным. Только в отличие от памятников Довшанлы – Баллукая, Ахмахинские курганы были зафиксированы на правобережной зоне, недалеко от курганов эпохи ранней бронзы, также раскопанные Э. Реслером. В 1897 г. он из восьми курганов только в пяти вел археологические раскопки, так как, как отмечает сам Э. Реслер, три из них были разграблены местным населением до его прихода (Гуммель, 1931: 219; ZEVBGAEU, 1899: 261–262; OAK за 1897 г., səh. 157). Курганы, в которых Э. Реслер вел археологические раскопки, следующие:

Курган № 1. Насыпь кургана в плане удлиненного конуса высотой 1 м, диаметром у основания около 16 м, а верхней площадки – 5 м, состояла из песка и камней. Под насыпью кургана была выявлена погребальная камера в виде каменного ящика (размеры: 2,4 м * 1,2 м * 1,5 м), ориентированного с запада на восток и покрытого каменными плитами большего размера. Дно могилы было земляное.

В могиле были выявлены останки четырех покойников. У восточной стены лежал скелет основного захороненного (племенной вождь), уложенного на правом боку, ориентированного с запада на восток, со сложенными на животе руками. Как пишет Э. Реслер, череп скелета принадлежал долихоцефальному типу. Рядом с покойником находились следующие артефакты: керамические сосуды грубой выделки (4 экз.), наполненные золой и костями мелких животных, бронзовый кинжал и нож, бронзовый литой наконечник копья, кремневые миндалевидные наконечники стрел. О к о л о западной, северной и южной стенок находились три других скелета, похороненных в сидячем положении; головы их были обращены в центр могилы, руки уперты в землю. Около них лежали мелкие предметы – кольцо и бусы, шило и т. д. Черепа этих сопровождающих основного (главного) покойников принадлежали к брахицефальному типу (Гуммель, 1931: *Л.* 220–221; ZEVBGAEU, 1899: 262–264, рис. 29 (схематический план погребения № 1), рис. 21–28 (артефакты); Джафаров , 2020: 144).

Курган № 2 (Гуммель, 1931: *Л.* 222; QAK, 1900: 158, 264–265, рис. 40 (схематический план второго кургана); Джафаров, 2020: 144–145). Курган был расположен около 400 м западнее кургана № 1. Под курганной насыпью, состоящей из песка и крупных камней высотой 2,5 м, диаметром у подошвы 16 м, а в верхней площадке 6,7 м, был обнаружен каменный ящик (4,2 м * 1,5 м * 1,4 м) неправильной формы, ориентированный с запада на восток, перекрытый четырьмя каменными плитами. В западной части могилы, перпендикулярно к ее дну, была поставлена большая плита из известняка. Здесь были найдены останки двух покойников, захороненные в сидячем положении с наклоненными вперед головами, – один в восточной стороне, другой – в западной. Основные артефакты, обнаруженные в могиле, были расположены около скелета в западной части: это два бронзовых кинжала т. н. закавказского типа с ажурным набалдашником, бронзовое шило, наконечники стрел, сердоликовые бусы. Рядом с останками второго покойника стояло пять керамических сосудов, три из них были наполнены золой и лошадиными зубами (Гуммель, 1931: *Л.* 222–225; ZEVBGAEU, 1899: 264–268; рис. 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39).

Курган № 3 (Гуммель, 1931: 225; QAK, 1900: 158; ZEVBGAEU, 1899: 263 (см.: рис. 48, план кургана № 3); Джафаров, 2020: 145). Этот курган находился в 75 м к югу от кургана № 2, имел, как и предыдущие курганы, сплюснуто-конусовидную каменную, смешанную с песком насыпь, диаметром у подошвы – 9 м, верхней площадки – 5,5 м, высотой 2,5 м. Под насыпью была выявлена могильная камера в виде каменного ящика, ориентированная с запада на восток, перекрытая двумя большими плитами. Размеры могилы: длина – 2.7 м, ширина – 1.7 м, глубина – 1,8 м. В могиле с земляным дном было обнаружено девять человеческих скелетов; западная часть была отведена для захоронения основного покойника (племенного вождя); череп его относился к долихоцефальному типу. Он был уложен в вытянутом положении, на правом боку, с руками, сложенными на животе. Артефакты, расположенные рядом, состояли из керамического сосуда грубой выделки,

заполненного пеплом и золой, бронзовых кинжалов закавказского типа, костяного наконечника копья, кольца и бус. У восточной стенки были очищены восемь скелетов людей, похороненных в сидячей позе, по сведению Э. Реслера, сопровождающих основного покойника. Ноги их были поджаты, головы наклонены вперед, руки уперты в дно могилы. Э. Реслер отмечал, что они принадлежали брахицефальному типу, на черепах были следы повреждений, свидетельствующих об их насильственной смерти.

Курган № 4 по внешнему виду схож с предыдущими, диаметром у подошвы – 9,5 м, верхней площадки – 3.8 м, высотой – 1.8 м, был расположен в 10 м к северу от кургана № 3. Насыпь, как и у предыдущих курганов, состояла из песка, земли и крупных камней. Из публикации К. Кушнаревой (24. стр. 152–153) выясняется, что под насыпью кургана был обнаружен каменный ящик (размеры отсутствуют), в котором находились раздробленные обломки человеческих костей, а также несколько бронзовых браслетов и колец. Однако, как выяснил Г. Джафаров, об этом кургане имеются и другие сведения (ZEVBGAEU, 1899: 270–271, рис. 49, 50; 16. стр. 146). Так, в немецком издании (VBGAEU) отмечено, что под насыпью этого кургана высотой всего 60 см были обнаружены фрагменты человеческих костей, бронзовое колечко и обломки керамики (ZEVBGAEU, 1899: 270–271, рис. 49, 50). В годовом отчете Императорской археологической комиссии относительно этого кургана приводятся данные, согласно которым под насыпью кургана, сложенного из земли и камней, высотой 0,6 м, были зафиксированы обломки человеческих костей, фрагменты орнаментированных керамических сосудов, 3 экз. простых бронзовых браслетов и кольцо (QAK, 19900: 158–159; Джафаров, 2020: 146).

Курган № 5 находился в 100 м к западу от кургана № 1. Конусообразная насыпь состояла из земли, песка и камней (Гуммель, 1931: Л. 228; QAK, 1900: 159; ZEVBGAEU, 1899: 271–272. рис. 80 (схематический план пятого Ахмахинского кургана); Кушнарева, 1957: 153). Диаметр у подошвы – 9 м, диаметр верхней площадки – 5,7 м, высота достигает 2 м. Под насыпью была обнаружена погребальная камера типа каменного ящика неправильной конструкции, длиной – 3,3 м, шириной – 1,3 м. В могиле найдено четыре человеческих скелета: два из них находились у восточной стенки в сидячем положении, с руками, упертыми в дно; два других были расположены в таких же позах, посередине могилы, у западной стенки, друг за другом, а головы их были обращены на восток. Основные артефакты находились у восточной стенки и в середине камеры – это около 20 керамических сосудов, крупное бронзовое втульчатое копье, фигурка оленя, обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, бусы, костяные проколки, бронзовые кольца, бронзовые браслеты (ZEVBGAEU, 1899: 272–274, рис. 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 66–78; QAK 1900: 319, 320; Джафаров, 2020: 146–147).

К вопросу об обряде захоронения

Таким образом, мы прослеживаем в упомянутых курганах, за редкими исключениями, общие как для карабахских, так и всех ведущих памятников Ходжалы-Кедабекской культуры, схожие по конструкции могильные камеры и погребальные обряды. Это в основном конусообразные курганы, подкурганные погребения в виде каменного ящика (Довшанлы № 1, Ахмахи), также подкурганные грунтовые погребения (Довшанлы № 2) или подкурганные погребения в виде деревянного помоста (Баллукая), захоронения основных и сопровождающих покойников (почти во всех курганах). Среди перечисленных курганов особо выделяется первый Довшанлинский курган. Здесь, помимо основного захороненного в вытянутом положении покойника, были еще три сопровождающих. Это были вооруженные воины-дружинники, охранявшие своего военачальника после его смерти. Судя по оставшимся артефактам, все погребенные в этом кургане были конными воинами, так как в могилу с ними были положены столько же конские удила, сколько и людей, хотя сами конские трупы отсутствовали. Положение в могилы конских атрибутов – это обычное и часто встречающееся явления в памятниках Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, указывающее на наличие культа коня у местного населения.

Не менее интересным, с точки зрения погребального обряда, представлен второй Довшанлинский курган. Интересно, что здесь,

под курганной насыпью, вместо каменного ящика были сооружены лучеобразно расположенные три грунтовые могилы. По всей вероятности, все три могилы были сооружены одновременно. Хотя Э. Реслер очистил только две могилы, наверное, здесь также были основные и сопровождающие персоны. Интересно, что в некоторых могилах (в могиле «б» 2-го Довшанлинского и в кургане Баллукая) зафиксировано отсутствие черепов покойных.

По сравнению с курганами Довшанлы и Баллукая, памятники Ахмахи в целом являются более бедными, хотя 5-й курган из этой группы по некоторым параметрам отличается от остальных четырех. По составу и разнообразию артефактов, а также по обряду захоронения этот курган сопоставим с вышеперечисленными памятниками.

Состав и типы артефактов

Артефакты курганов включают керамические сосуды, бронзовое оружие, различные украшения из металла, пасты, камней и т. д.

Исходя из того, что среди археологических материалов для определения принадлежности комплексов к той или иной культуре ведущее место занимают керамические сосуды, мы обращаем внимание прежде всего на эти материалы. С сожалением приходится констатировать, что основная масса керамических сосудов, добытых при раскопках в виде обломков, Э. Реслером были оставлены на месте. Он подобрал только привлекающие внимание целые керамические материалы. По сведению К. Кушнаревой, после долгих скитаний по различным фондам и коллекциям (в археологическом кабинете Шушинского реального училища, Кавказском музее, в фонде Императорской археологической комиссии) уцелевшие 17 сосудов попали в Московский исторический музей (Кушнарева, 1957: 169). Так что приходится анализировать керамические сосуды из комплекса Довшанлы – Баллукая – Ахмахи на основании этих скудных материалов. Среди керамических сосудов ведущее место занимают кувшины с шаровидно-вздутыми туловами, с двумя или одной ручкой, богатыми орнаментальными мотивами, а также разные миски. По типологии кувшины делятся на две группы: а) в первую группу входят тонкостенные, чернолощеные, с лощеными орнаментациями и цилиндрическими горловинами сосуды, изготовленные в гончарных кругах; б) во второй группе представлены толстостенные, ручной работы, не лощеные кувшины и миски. Аналогии сосудам из комплекса Довшанлы – Баллукая – Сырхавенд – Ахмахи хорошо известны в таких памятниках, как Мингечаур (1. табл. XVI), Гарабулаг (Ивановский, 1911: X табло, 47; XI табло, 5), Беимсаров (Джафаров, 1992: рис. 5; Джафаров, 2020: табло 87) и т. д.

Среди артефактов ведущее место занимают металлические (бронзовые) изделия. Сюда входят оружия, предметы домашнего обихода, конские снаряжения, различные украшения (браслеты, серьги, кольца, шейные обручи и т. д.). Часть оружия представлена длинными мечами, т. н. закавказского типа. Один из мечей входил в состав кургана № 1. Этот меч сравнительно короткий, имеет узкое лезвие и отлитую отдельно от лезвия рукоятку. На выемке рукоятки было вставлено древко (ZEVBGAEU, 1896: 228–233; Джафарова, 2008: 92, рис. 8, 1).

Второй меч происходит из Довшанлинского кургана № 2. Этот меч по некоторым параметрам отличается от первого. У него плоский, сильно суживающийся и заостренный на конце клинок. С обеих сторон клинок украшен глубокими желобками, сходящимися внизу. Рукоятка имеет двойную втулку, сделанную отковкой и закруглением боковых сторон. Втулка рукоятки заполнена деревом (QAK, 1896: 17; 34, 90; Джафарова, 2008: 92, рис. 9, 1). Такие мечи известны также из синхронных по хронологии памятников Гейгеле (Еленендорф-Ханлар) (Дело АК, 1897: 23–14, табл. VI, 110), Мингечаура (Асланов, 1959: 78, т. XIII, 1, 2), Кедабека (Wolfram Nagel, 1985: p. 2698; Иессен, 1935: 103, 132–133), Сарычобанского кургана (Джафаров, 1993: 200–201, рис. 3, 6; табло 97, 6) и т. д.

Другую группу оружия составляют кинжалы. В большом количестве кинжалы найдены в курганах Довшанлы (9 шт.) и Ахмахи (5 шт.). В Довшанлинском кургане № 1 среди артефактов были обнаружены 4 бронзовых кинжала: два из них представляют собой цельнолитые с рукояткой, а два экземпляра были обычные, с заостренными клинками, с черешком для насадки, деревянной ручкой и ажурными набалдашниками, с ажурными

украшениями (Джафаров, 2000: 149, табло 44, 4, 5; Джафарова, 2008: 83, рис. 9, l, 5, 6, 7). Наибольшее количество кинжалов найдено во втором кургане Довшанлы – 5: из них 3 кинжала со свернутой в виде втулки рукояткой; 2 кинжала обычной, то есть с черешком и отдельно отлитым навершием формы (Кушнарева, 1957: 142, 145, 77; Джафарова, 2008:83, рис. 9, 5, 6, 7; рис. 10, 1). Из пяти Ахмахинских курганов в трех (№ 1 – 1 экз., № 2 – 2 экз., № 3 – 2 экз.) были обнаружены также бронзовые кинжалы, всего 5 экз. (Джафарова, 2008: 83, рис. 12, 10, 11, 12, 15, 16). Здесь представлены оба типа – как цельнолитные, так и черенковые (Джафарова, 2008: 83, рис. 12, 10, 11, 12, 15, 16). Подобное оружие известно и из других синхронных памятников (Ханлар-Гейгель, Мингечаур, Хошбулаг, Ходжалы, Дамголу, Гюльятяг и др.) Азербайджана (Джафаров, 2020: 149), (Джафарова, 2008: 84–90).

Как известно, с древних времен к числу вооружений относились также бронзовые топоры – секиры. Один из таких топоров был обнаружен в Довшанлинском кургане № 1. Доказано, что сложные по форме и модификации топоры-секиры приходят на вооружение воинов значительно позже, как и мечи различной модификации, со второй половины II тысячелетия до н. э. Топоры-секиры различных типов обнаружены во многих памятниках Ходжалы-Кедабекской культуры (Асланов;1982: 97–105).

Из двух исследованных богатых курганов Довшанлы только в одном (№ 2) был обнаружен единственный экземпляр наконечника копья. Довшанлинский наконечник имеет очень изящную форму – узкое ланцетовидное перо и широкую длинную втулку с двумя отверстиями для заклепок (Джафарова, 2008: 73, рис. 9, 4). Из пяти курганов Ахмахи указанные предметы вооружения входили в состав погребального комплекса 3-х курганов. Так, в курганах № 1 и № 5 были обнаружены по одному бронзовые копья. Ахмахинские образцы гораздо более грубые, чем Довшанлинские. У них широкие, с плоскими краями перья и широкая несомкнутая втулка с отверстиями для заклепок (Джафарова, 2008: 73 рис. 12, 1). Аналогичные типы оружия известны больше всего из синхронных по времени памятников Мингечаура (Асланов, 1959: 79, табл. XV, 16–22). В отличие от двух курганов Ахмахи, где в составе инвентаря были бронзовые наконечники копья, в кургане № 3 был найден очень редкий тип – наконечник копья из кости.

В числе артефактов по количеству выделяются бронзовые и каменные наконечники стрел. Как известно, лук и стрела с давних времен являлись одним из ярких видов оружия дальнего боя. Они обнаружены почти в каждом погребении Довшанлы-Баллукаянского комплекса. В Баллукая-Сырхавендском кургане № 1 в числе других бронзовых изделий выделялись прекрасно сохранившиеся наконечники стрел классической формы с опущенными крыльями (Джафаров 150, табло 48, 12; Джафарова, 2008: 60, рис. 11, 2).

Из пяти исследованных курганов Ахмахи в числе материальных остатков в трех погребениях находились наконечники стрел. В кургане № 1 возле основного захороненного были найдены кремневые наконечники стрел треугольной формы с выемкой у основания.

Во втором Ахмахинском кургане (Джафарова, 2008: 60, рис. 12, 2, 3, 4, 8, 9, 13, 14, 17, 18) находились как каменные (обсидиановые) наконечники стрел миндалевидной формы с выемкой у основания, тщательно ретушированные, так и бронзовые наконечники стрел с опущенными крыльями «Южно-Кавказского» или, как раньше называли, «закавказского» типа.

Наконец, в пятом кургане (Джафарова, 2008: 60, рис. 12), как и во втором, помимо бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями были найдены и обсидиановые образцы миндалевидной формы с выемкой у основания.

В курганах, где были захоронены знатные военачальники или племенные вожди, нередко были обнаружены также целые скелеты, иногда части лошадей, а в некоторых случаях голова или атрибуты (узда и т. д.) лошадей.

В кургане № 1 Довшанлы был захоронен крупный военачальник в сопровождении трех дружинников. Основной покойник лежал в вытянутом положении, трое остальных – в сидячей позе.

На голове воинов были остатки бронзового шлема, рядом – многочисленное оружие. Судя по остаткам боевых шлемов на черепах мужских скелетов, а также по большому количеству вооружения, положенного рядом,

это были воины-дружинники, охранявшие своего военачальника и после его смерти. Исходя из того, что в погребении обнаружено много конских удил, можно полагать, что, очевидно, все погребенные были конными воинами. Только в могилы с ними положили вместо трупов коней конские атрибуты (удила, украшения), олицетворяющие боевых коней (Джафарова, 2008: 146, рис. 8, 2).

Положение в могилу конских атрибутов – обычай, связанный с культом коня, широко практиковавшийся и в других регионах Азербайджана и Переднеазиатского мира в целом. Роль атрибутов целого коня иногда играют, наряду с предметами конского убора, голова коня или части его туши, положенные в могилу.

Так, во втором Довшанлинском кургане, где были захоронены также военачальник и сопровождавшие его в иной мир дружинники, были найдены три удила (такие же, как в первом Довшанлинском кургане) и голова коня.

В кургане Баллукая вместо каменного ящика, как в двух Довшанлинских курганах, были обнаружены остатки бревенчатого помоста, покоившегося, по-видимому, на деревянных столбах. Здесь также, как во втором Довшанлинском кургане, были найдены кости лошадей. Однако в отличие от Довшанлинских курганов отсутствовали конские атрибуты (т. е. удила и т. д.) (Джафарова, 2008: 147).

Группа предметов состояла из бронзовых вил. Примечательно, что наибольшее количество бронзовых вил Азербайджана происходят из памятников Карабаха, в частности, верхнего Карабаха. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, во многих богатых погребальных памятниках бронзовые вилы были найдены вместе с удилами различных типов. Особенно с так называемыми удилами Переднеазиатского типа (т. е. I типа). Этот факт был зафиксирован в памятниках всего Азербайджана и Карабаха в частности.

Так, в кургане № 1 Довшанлы в числе других предметов были обнаружены три экземпляра бронзовых вил (Джафарова, 2008: 78).

В первом Довшанлинском кургане вместе с основным захоронением были погребены еще три сопровождающих лица, как полагают археологи, воина. По всей видимости, бронзовые боевые вилы принадлежали этим воинам.

Бронзовые, литые, цельнометаллические с втульчатым насадом двузубые вилы сохранились превосходно.

Еще два экземпляра бронзовых двузубых вил с втульчатым насадом входили в состав инвентаря второго Довшанлинского кургана (Джафарова, 2008: 79).

Эти вилы идентичны таковым из первого Довшанлинского кургана. В отличие от первого кургана, под насыпью второго кургана были обнаружены три прямоугольные могилы, лучеобразно расходящиеся в трех направлениях: могила «а», могила «б» и безымянная, неисследованная могила. Причем вилы находились рядом с захороненным в могиле «а». Там же находился другой инвентарь – кинжалы, меч, наконечники стрел, удила и другое.

Еще одни двузубые бронзовые вилы известны из кургана № 1 Баллукая. Этот экземпляр по некоторым особенностям отличается от предыдущих образцов. Маленький размер этих вил, крайне легкое скрепление отдельных частей при помощи тонких деревянных заклепок, а также скульптурные украшения говорят о том, что эти вилы скорее носили не боевые функции. Может быть, вилы такого типа служили штандартом или же скипетром. Не исключено, что баллукаянский экземпляр принадлежал именно военачальнику, нечто вроде знака отличия. Как мы указали, баллукаянские вилы имеют небольшие размеры, скреплены деревянными штифтами и украшены рельефными головками хищников (Джафарова, 2008: 79).

Помимо перечисленных предметов в состав артефактов в указанных курганах входили также различные украшения и другие вещи. Среды них выделяются бусы из пасты, сердолика, бронзовые браслеты, бляшки и бляхи – обоймы, кольца, щипчики, скульптурные головки хищников (барс, пантера?) на пряжке и колечке из первого Довшанлинского кургана и на вилах из кургана Баллукая (Кушнарева, 1957: 168).

Из других предметов особого внимания заслуживает золотой полый цилиндр, покрытый тисненными изображениями борьбы зверей и служивший, как потом выяснились, печатью (Кушнарева, 1957: 168, 227).

Заключение

Анализ комплексов Довшанлы – Ахмахи – Баллукая позволяет сделать ряд выводов. Как видно из состава материалов, в эпоху поздней бронзы и раннего железа социально-экономическое и общественно-политическое развитие в целом на территории Азербайджана достигает нового, более высокого уровня.

Основной хозяйственной отраслью продолжало оставаться земледелие. Развивается садоводство и виноградарство. Наибольшего развития в указанный период достигают различные отрасли скотоводства, особенно разведение мелкого рогатого скота. Увеличение численности мелкого рогатого скота еще было связано и с развитием отгонной, или яйлажной формой скотоводства. Разведение крупного рогатого скота не только не отстает, наоборот, получает новый импульс в своем развитии.

В Карабахских памятниках обнаружены, помимо костей мелкого и крупного рогатого скота, также остеологические доказательства наличия лошадей. Говоря об общем прогрессе в социально-экономической жизни местных племен, непременно надо упомянуть и о такой важной отрасли, как ремесленное производство. Оно было тесно связано, с одной стороны, с возрастающей потребностью населения в товарах ремесленного сегмента, а с другой – с наличием многочисленных местных залежей металлоносных рудных месторождений, как в Азербайджане целом, так и в Карабахе в частности. О высоком уровне ремесленного производства можно судить по материалам керамики, оружия, орудий труда, украшений, предметов личного пользования, конской узды и др., обнаруженных в богатых курганах. Таким образом, развитие всех отраслей хозяйства – земледелия, скотоводства, ремесла и подсобных отраслей привело к существенным изменениям на всех уровнях жизни местных племен в эпоху поздней бронзы. Развитие производительных сил привело к специализации в производстве, а это, в свою очередь, способствовало появлению излишков продукции. Ведение хозяйства силами отдельных семей требовало их превращения в устойчивые, целостные коллективы. Начатая еще в эпоху ранней бронзы, набирающая обороты в эпоху средней бронзы имущественная и социальная дифференциация в указанный период достигает наибольшего уровня. В одном и том же могильнике встречаются погребения, значительно отличающиеся по элементам сооружения, пышностью погребального обряда, по богатству и т. д., указывающие на наличие богатых и бедных. Эти факты встречаются в некрополях по всему Азербайджану, в том числе в памятниках Ахмахи, Довшанлы, Баллукая. В некоторых случаях при погребении богатого человека убивали его жену, наложниц, слуг, рабов, любимых коней – всех хоронили вместе с ним.

Происходит постепенная индивидуализация в производственной сфере. Семьи, которые находились в более выгодном положении, нежели другие члены племени, занимали лучшие пастбища (скотоводы), более плодородные речные долины, расположенные у водных источников. Использование рабского труда, то есть эксплуатация чужих производительных сил, повсеместно было применено в эпоху разложения первобытно-общинного строя.

Наличие рабов в эпоху поздней бронзы хорошо документируется археологическими материалами. В курганах Гянджачайского бассейна (Ханларские курганы № 1, 2), Мингечаура, а также Карабаха (Ходжалы, Довшанлы, Ахмахи, Баллукая, Гарабулаг, Сарычобан, Беимсаров, Борсунлу и т. д.) неоднократно зафиксировано захоронение рабов со своими хозяевами.

Все эти факторы неоднократно документированы исследованиями азербайджанских археологов на базе изучения многочисленных памятников указанного периода.

Что касается хронологии комплекса Довшанлы – Ахмахи – Баллукая, то надо отметить, что в далекие пятидесятые годы XX века памятники были датированы IX–VIII вв. до н. э. В свете последующих исследований данного комплекса Г. Джафаровым (Джафаров, 2020: 147, 266–267) была выделена хронологическая ниша в пределах XII–XI вв. до н. э., что соответствует второму этапу существования Ходжалы-Кедабекской археологической культуры. С этой датировкой согласно подавляющее количество исследователей, в том числе и мы.

Литература

1. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. – Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1959, табл.

2. Асланов Г.Г. Бронзовые топоры Азербайджана. – Баку: Элм, 1982. – 65 с. (на азерб. языке).

3. Дело АК, архив ЛОИА (ныне архив Института истории материальной культуры РАН) № 48/1897, Л., 42, 57.

4. Дело АК, архив ЛОИА № 130/1891, Л., 44–51.

5. Дело АК, архив ЛОИА, № 36/1896, Л., 44–45.

6. Дело АК, архив ЛОИА, № 36/1896, Л., 41–47; 57, 58.

7. Дело АК, архив ЛОИА, № 48/1897, Л. 42, 57.

8. Гуммель Я.И. Археологические раскопки в районах Азерб. ССР (отчеты за 1938 г.) – Изв. Аз. ФАН СССР. – 1939. – № 3. – стр. 67.

9. Гуммель Я.И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области в 1938 г. // Изв. Аз. ФАН. СССР, 1939. – № 4. – стр. 52, 77–82.

10. Гуммель Я.И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области, стр. 82–88.

11. Гуммель Я.И. Отчеты по экспедициям 1939 года. Археологические разведки и раскопки по районам Азерб. ССР. // Науч. архив Института истории НАНА, д. № 931. – стр. 1–2.

12. Гуммель Я.И. Из памятников материальной культуры древного Азербайджана. – ВДИ, 1940. – № 1. – стр. 212–213.

13. Гуммель Я.И. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа. – Баку: АзГНИ, 1931. – с. 23–14, табл. VI, 110.

14. Джафаров Г.Ф. Азербайджан в конце IV – начале I тысяч до н. э. – Баку: «Элм», 2000. – 187 с. 101 таблица.

15. Джафаров Г.Ф. Археологические исследования в Ходжалах в 1984 г. // «История и ее проблемы»: научно-теоретический и методический журнал. – 1997. – № 1. – стр. 153–162.

16. Джафаров Г.Ф. Древний Карабах (на азерб. языке). – Баку: Элм, 2020. – стр. 148–152.

17. Джафаров Г.Ф. Курган у селения Беимсаров в Азербайджане // Российская Археология. – М., 1992. – № 2, рис. 5.

18. Джафаров Г.Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // Российская Археология. – М., 1993. – № 3. – с. 200–201, рис. 3, 6.

19. Джафаров Г.Ф. Цилиндрические печати из позднебронзовых памятников Азербайджана и некоторые вопросы связей с Древним Востоком. // Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии (неолит и поздняя бронза). Сборник, посвящ. 90-летию И.Г. Нариманова. – Баку, 2017. – С. 227.

20. Джафарова Д.Г. Оружие племен Карабаха в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Баку: «Хазар», 2008. – с. 92, рис. 8, 1.

21. Джафарзаде И.М. Ходжалинская экспедиция. Земляной курган № 5. // Изв. Аз. ФАН СССР. – 1941. – № 2. – стр. 15–26.

22. Ивановский А.А. По Закавказью. // МАК, вып. VI. – М., 1911, X табло, 47; XI табло, 5.

23. Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК, вып. 120. – 1935. – с. 103, 132–133.

24. Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы. СА, 1957, вып. XXVII, стр. 137, 140, 141, рис. 2,1–14, рис. 3, 1–7, рис. 4.

25. Кушнарева К.Х. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы. – М-Л.: МИА, 1957, 67, – стр. 370–386.

26. Мещанинов И.И. Археологическая экспедиция Общества в Нагорный Карабах и Нахичеванский край // Изв. ООИА. – Баку, 1927. – № 4. – стр. 104–107.

27. Мещанинов И.И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. // Сообщ. ГАИМК. – Л., 1926. – № 1. – стр. 217–240.

28. QAK за 1894 г. – СПб, 1896, стр. 17–28.

29. QAK за 1895 г. – Спб., 1897, стр 51, 153–161.

30. QAK за 1896 г. – Спб., 1898, стр.109, 117–125.

31. QAK за 1897 г. – Спб., 1900, стр. 47-49; 99;155–169.

32. ZEVBGAEU (Zeitschrift fur Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellscaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgesehichte). – Berlin, 1892. – стр. 566-568.

33. ZEVBGAEU, 1894, стр. 213–221; 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения).

34. ZEVBGAEU, 1896, стр. 90.

35. ZEVBGAEU, 1897, стр. 258–261, рис. 20 (схематичный план размещения курганов Баллукая – Сырхавенд), стр. 147.

36. ZEVBGAEU, Berlin, 1898. – стр. 418–423.

37. ZEVBGAEU, 1899, стр. 2; 262–272. рис. 29 (схематический план погребения № 1), рис. 21–28.

38. Wolfram Nagel, Eva Strooenger/ Kalakent/ Fruheiseneitliche grabfunde aus dem Transkaukasischen gebiet von Elizavetopol. Berlin, 1985, p. 2698.

References

1. Aslanov G.M., Vaidov R.M., İone G.İ. Drevni Mingechaur. – Baku: izd. AN Azerb. SSR, 1959, tabl.

2. Aslanov G.G. Bronzovye topory Azerbaijana. – Baku: Elm, 1982. – 65 s. (na azerb. iazyke).

3. Delo AK, arhiv LOİA (nyne arhiv İnstituta istorii materiälnoi kültury RAN) № 48/1897, L., 42, 57.

4. Delo AK, arhiv LOİA № 130/1891, L., 44–51.

5. Delo AK, arhiv LOİA, № 36/1896, L., 44–45.

6. Delo AK, arhiv LOİA, № 36/1896, L., 41–47; 57, 58.

7. Delo AK, arhiv LOİA, № 48/1897, L. 42, 57.

8. Gummel İa.İ. Arheologicheskie raskopki v raionah Azerb. SSR (ochety za 1938 g.) – İzv. Az. FAN SSSR. – 1939. – № 3. – str. 67.

9. Gummel İa.İ. Raskopki v Nagorno-Karabahskoi Avtonomnoi oblasti v 1938 g. // İzv. Az. FAN. SSSR, 1939. – № 4. – str. 52, 77–82.

10. Gummel İa.İ. Raskopki v Nagorno-Karabahskoi Avtonomnoi oblasti, str. 82–88.

11. Gummel İa.İ. Ochety po ekspedisiam 1939 goda. Arheologicheskie razvedki i raskopki po raionam Azerb. SSR. // Nauch. arhiv İnstituta istorii NANA, d. № 931. – str. 1–2.

12. Gummel İa.İ. İz pamätnikov materiälnoi kültury drevnogo Azerbaijana. – VDİ, 1940. – № 1. – str. 212–213.

13. Gummel İa.İ. Pogrebälnyi kurgan (№ 1) okolo Elenendorfa. – Baku: AzGNİ, 1931. – s. 23–14, tabl. VI, 110.

14. Jafarov G.F. Azerbaijan v konse IV – nachale I tysäch do n. e. – Baku: «Elm», 2000. – 187 c. 101 tablisa.

15. Jafarov G.F. Arheologicheskie issledovania v Hojalah v 1984 g. // «İstoria i ee problemy»: nauchno-teoreticheski i metodicheski jurnal. – 1997. – № 1. – str. 153–162.

16. Jafarov G.F. Drevni Karabah (na azerb. iazyke). – Baku: Elm, 2020. – str. 148–152.

17. Jafarov G.F. Kurgan u selenia Beimsarov v Azerbaijane // Rosiskaia Arheologia. – M., 1992. – № 2, ris. 5.

18. Jafarov G.F. Kurgan epohi pozdnei bronzy vblizi Sarychobana // Rosiskaia Arheologia. – M., 1993. – № 3. – s. 200–201, ris. 3, 6.

19. Jafarov G.F. Silindricheskie pechati iz pozdnebronzovyh pamätnikov Azerbaijana i nekotorye voprosy sväzei s Drevnim Vostokom. // Problemy arheologii Kavkaza i Perednei Azii (neolit i pozdnäia bronza). Sbornik, posväş. 90-letiu İ.G. Narimanova. – Baku, 2017. – s. 227.

20. Jafarova D.G. Orujie plemen Karabaha v epohu pozdnei bronzy i rannego jeleza. – Baku: «Hazar», 2008. – s. 92, ris. 8, 1.

21. Jafarzade İ.M. Hojalinskaia ekspedisia. Zemlänoi kurgan № 5. // İzv. Az. FAN SSSR. – 1941. – № 2. – str. 15–26.

22. İvanovski A.A. Po Zakavkäzü. // MAK, vyp. VI. – M., 1911, X tablo, 47; XI tablo, 5.

23. İessen A.A. K voprosu o drevneişei metalurgii medi na Kavkaze // İzv. GAİMK, vyp. 120. – 1935. – s. 103, 132–133.

24. Kuşnareva K.H. Nekotorye pamätniki epohi pozdnei bronzy. SA, 1957, vyp. XXVII, str. 137, 140, 141, ris. 2,1–14, ris. 3, 1–7, ris. 4.

25. Kuşnareva K.H. Arheologicheskie raboty 1954 g. v okrestnostäh sel. Hojaly. – M-L.:MİA, 1957, 67, – str. 370–386.

26. Meşaninov İ.İ. Arheologicheskaia ekspedisia Obşestva v Nagornyi Karabah i Nahichevanski krai // İzv. OOİA. – Baku, 1927. – № 4. – str. 104–107.

27. Meşaninov İ.İ. Kratkie svedenia o rabotah arheologicheskoi ekspedisii v Nagornyi Karabah i Nahichevanski krai, snaräjennoi v 1926 g. Obşestvom izuchenia Azerbaijana. // Soobş. GAİMK. – L., 1926. – № 1. – str. 217–240.

28. QAK za 1894 g. – SPb, 1896, str. 17–28.

29. QAK za 1895 g. – Spb., 1897, str 51, 153–161.

30. QAK za 1896 g. – Spb., 1898, str.109, 117–125.

31. QAK za 1897 g. – Spb., 1900, str. 47-49; 99;155–169.

32. ZEVBGAEU (Zeitschrift fur Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellscaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgesehichte). – Berlin, 1892. – str. 566-568.

33. ZEVBGAEU, 1894, str. 213–221; 221–235, ris. 12 (risunki kurgana), ris. 13 (shematicheski risunok pogrebenia).

34. ZEVBGAEU, 1896, ctr. 90.
35. ZEVBGAEU, 1897, str. 258–261, ris. 20 (shematichnyi plan razmeşenia kurganov Balukaia – Syrhavend), str. 147.
36. ZEVBGAEU, Berlin, 1898. – str. 418–423.
37. ZEVBGAEU, 1899, str. 2; 262–272. ris. 29 (shematicheski plan pogrebenia № 1), ris. 21–28.
38. Wolfram Nagel, Eva Strooenger/ Kalakent/ Fruheiseneitliche grabfunde aus dem Transkaukasischen gebiet von Elizavetopol. Berlin, 1985, p. 2698.

Джафарова Д.
ӘҰҒА Археология және этнография институты
Баку қ., Әзірбайжан
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

ХОЖАЛЫ-ГЕДАБЕК АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИЕТІ ҚАРАБАХ ТОБЫНЫҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ (ДОВШАНЛЫ-БАЛЛУКАЯ-АХМАХИ ҚОРҒАНДАРЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)

Мақалада таулы Қарабахтың археологиялық ескерткіштерін зерттеудің қысқаша тарихы, сондай-ақ Хачынчай өзенінің аңғарында орналасқан қорғандар тобында XIX ғасырдың 90-жылдарында Э. Реслер жүргізген қазба жұмыстарының нәтижелері сөз болады. Бұл – Ходжалы-Кедабек археологиялық мәдениетінің дамуының екінші кезеңіне, яғни б.д.д. XII-XI ғасырларға жататын Довшанлы, Ахмахи, Баллукая қорғандары.

Довшанлы тобында екі қорған, Ахмахи тобында бес қорған, Баллукая тобында үш қорған қазылған. Сирек ерекшеліктерді қоспағанда, осы нысандардың барлық топтарында жерлеудің ұқсас түрі (қорған астындағы тас скрипттер), жерлеу рәсімі (бір немесе ұжымдық, негізінен ингумациялық) және артефактілер құрамы (керамика, қола), шақпақтас немесе обсидиан қарулары, ат әбзелдері, зергерлік бұйымдар) кездесетіні назарға алынып, олар бір кешенге біріктірілген.

Довшанлы-Ахмахи-Баллукая кешенінің материалдарын талдау соңғы қола және ерте темір дәуірінде бүкіл Әзірбайжанда, атап айтқанда Қарабахта қоғамдық-саяси және әлеуметтік-экономикалық даму жаңа, жоғары деңгейге көтерілгенін танып білуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: *Әзірбайжан, Қарабах, Довшанлы, ескерткіштер, мәдениет, қорғандар, жәдігерлер.*

Jafarova D.
Institute of Archeology and Ethnography of ANAS
Baku, Azerbaijan
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

SITES OF KARABAKH GROUP OF KHOJALY-GEDABEK ARCHAEOLOGICAL CULTURE (BY THE MATERIALS OF THE DOVSHANLY-BALLUKAYA-AHMAKHI MOUNDS)

The article highlights a brief history of the study of the archaeological sites of mountainous Karabakh, as well as the results of excavations in a group of burial mounds located in the valley of the Khachynchay River, carried out in the 90s of the 19th century by E. Resler. These are the mounds of Dovshanly, Akhmakhi, Ballukaya, dating from the second stage of development of the Khojaly-Gedabek archaeological culture, that is, the 12th-11th centuries BC.

Two mounds were excavated in the Dovshanli group, five mounds in the Akhmakhi group, and three mounds in the Ballukaya group. Based on the fact that, with rare exceptions, in all groups of these sites, a similar type of burials (under-kurgan stone crypts), the burial rite (single or collective, mainly inhumation) and the composition of artifacts (ceramics, bronze, flint or obsidian weapons, horse harness, jewelry) – they are combined into a single complex.

An analysis of the materials of the Dovshanly-Akhmakhi-Ballukaya complex allows us to establish that in the Late Bronze and Early Iron Ages throughout Azerbaijan, and in particular in Karabakh, socio-political and socio-economic development reached a new, higher level.

Keywords: *Azerbaijan, Karabakh, Dovshanly, sites, culture, mounds, artifacts.*